

ГОЛОВАНЕВСКИЙ А. Л.

СОЦИАЛЬНАЯ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ДИФФЕРЕНЦИАЦИЯ И ОЦЕНОЧНОСТЬ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Социальная дифференциация распространяется в различной мере на все уровни языка, но наиболее ощутимо проявляется в лексике. Под социальной дифференциацией лексики следует понимать не только параллельное с общелитературным языком существование словарей отдельных социальных и профессиональных групп, профессиональные лексические системы, групповые или корпоративные жаргоны деклассированных, условные языки ремесленников-отходников, торговцев и близких к ним социальных групп [1], но и ту часть общелитературного словаря, которая, не имея иных лексических параллелей (диалектизмов, жаргонизмов...), в результате употребления в языке классово неоднородного общества семантически противопоставляется по социально-идеологическим признакам. Основу такой лексики составляет общественно-политическая лексика (ОПЛ) — слова и термины общественно-политического содержания.

Пожалуй, первым из русских лингвистов обратил внимание на эту лексику И. А. Бодуэн де Куртене. М. Фасмер в 1905 г. в речи, посвященной 60-летию своего учителя, заметил, что Бодуэн, «кроме *психической* стороны языка», отмечает «и сторону *социальную*» [2]. Позже Л. В. Щерба конкретизировал это замечание М. Фасмера: «Он всю жизнь собирал материалы по дифференциации языка по классам, сословиям и т. д.» [3]. Наблюдения Бодуэна над социальной дифференциацией лексики, получившие теоретическое обоснование и практическое воплощение в редакции 3-го издания «Толкового словаря» В. И. Даля, дополненные работами М. М. Покровского и других лингвистов, позволяют относить «обостренный интерес к социальной дифференциации языковых явлений... к числу национальных традиций русского языкознания» [4].

Социальная дифференциация языка зависит от уровня социально-классового расслоения общества [5, с. 212]. Эта зависимость своеобразно сказывается на истории развития ОПЛ.

Социально-дифференцированная ОПЛ на ранних этапах своего становления, совпадающих с начальным периодом в истории литературных языков, отражает расслоение общества на те или иные социальные группы, т. е. является первым языковым отражением существующих социально-экономических отношений без какой-либо оценки. Этот общественно-политический разряд слов в начальный период развития русского литературного языка, когда социальные отношения и соответствующая им идеологическая надстройка еще не переросли в непримиримые антагонистические, по существу представляет не оценочную социально-дифференцированную общественно-политическую терминологию. Таковыми, к примеру, являются тематические группы терминов, выделенные

Г. Е. Кочиним: 1) верховная власть: *властелин, господин, государь...*; 2) должностные лица: *властитель, сановник, боярский...*; 3) виды преступлений: *крамола, крамольник, изменник...*; 4) категории класса эксплуатируемых: *бобыль, мужик, раб, смерд, холоп, чернь...*; 5) формы классовой борьбы: *восстание, крамола, мятеж, смуты...* [6].

В процессе употребления этой группы слов в литературном языке в антагонистически классовом обществе наряду с социальной дифференциацией возникает и идеологическая дифференциация. Она проявляется в «наличии антагонистического противопоставления идеологий, в социальных взаимоотношениях между носителями разных идеологий (особенно между представителями буржуазной идеологии и социалистической идеологии), в языковых средствах выражения этого антагонизма» [5, с. 215]. В нашем понимании, идеологическая дифференциация является высшей формой социально-классовой дифференциации языка.

Вследствие идеологической дифференциации ОПЛ может приобрести идеологическую оценочность. Оценочность — одна из наименее изученных категорий в языке [7, с. 32]. Однако понятие оценочность, в том числе и социальная оценочность, встречается во множестве работ и вошло в широкое употребление. Неясным остается представление о месте оценочности в семантической структуре слова: выражает ли она «дополнительные смысловые „оттенки“, обволакивающие „концептуальное ядро“ слова [8], ее периферию [7, с. 32—33], или способна «если не вытеснить, то затемнить „формальное значение слова“, его семантическое ядро» [9, с. 53]? Как и эмоциональная, идеологическая оценочность входит в семантическую структуру слова, поэтому такие слова становятся семантически-оценочными, что сказывается на особенностях их функционирования и лексикографирования. Идеологически-оценочные слова составляют особую группу слов, и их целесообразно выделить из эмоционально-оценочных.

В своей основе социально- и идеологически-оценочную ОПЛ составляют слова-понятия, по-разному оцениваемые и трактуемые идеологами антагонистических классов и социальных групп. «Воздействие экстралингвистической реальности на речевую среду и (рефлекторно) — на некоторые единицы языка, приобретающие таким путем эмоциональные окраски и потенции выражать определенные, идеологические оценки, — это большая и увлекательная тема... Включение социально-идеологических элементов в семантику словесного знака и реализует потребность в толковании языкового знака как коррелята внеязыковой действительности, которая в той или иной общественной среде получает разную интерпретацию» [9, с. 56]. Как видно из этого высказывания, известный советский лингвист уже на ранней стадии изучения идеологически-оценочной лексики (тогда еще не существовало традиции рассматривать идеологическую оценочность как один из видов социальной оценочности) выделяет в ее семантике социально-идеологические элементы, по существу те самые, которые и квалифицируются как социально-идеологическая оценочность. Надо заметить, что традиция неразличения социальной и эмоциональной оценок характерна и для некоторых работ 60—80-х годов [10—11]. Идеологически-оценочная ОПЛ больше всего испытывает «воздействие общественных групп и направлений, ...поэтому, помимо основного значения, в каждом таком слове нередко осуществлялись напластования и переосмысления, связанные с разным отношением к обозначаемому словом понятию, с резко различным пониманием самого содержания слова» [12].

Основным экстралингвистическим фактором, влияющим на осложнение семантической структуры ОПЛ, является социальная и идеологическая оценка. Она проявляется в отношении субъектов, носителей языка, объединенных в социально-идеологические коллективы, к понятиям и явлениям и в результате употребления в языке трансформируется в оценочность. Отсюда — справедливость признания «выдвинутой в поздних работах Витгенштейна концепции „смысла как употребления“ ... в качестве чрезвычайно важного указания на *значимость учета прагматического фактора контекста употребления* языкового выражения при определении его осмысленности» [13].

Различая оценку и оценочность в лексике вообще, в ОПЛ в особенности, мы также признаем наличие основания, субъекта и объекта оценки [14]. Основанием оценки, по-нашему, выступает дифференциация общества на антагонистические социально-идеологические группировки (классы, отдельные социально-партийные группы).

Субъектом оценки может быть любая социально-идеологическая группировка или отдельная личность, осмысливающая и репрезентирующая в устных или речевых манифестациях те или иные понятия и явления общественной жизни. От субъекта оценки зависит вид и коннотация самой оценки, а также ее объект. Социальная или идеологическая оценка может быть, как и любая оценка, положительной или отрицательной. Принятая в данном социальном коллективе, она «покоится на объективных критериях нравственности, которые имеют исторический характер и изменяются в зависимости от общественного строя, классовой борьбы и т. д.» [15].

Объектом социально-идеологической оценки в потенции может стать любое понятие и явление общественной жизни. Но реально становятся те из них, которые приобретают социально-идеологическую актуальность. Критерий социально-идеологической актуальности является важнейшим в выборе объекта оценки. В каждый исторический период и соответственно микропериоды развития лексики русского литературного языка выделяются центральные (для той или иной идеологии) группы понятий и обозначающих их слов, которые становятся объектами оценки.

Идеологический фактор является важнейшим в приобретении ОПЛ оценки и в дальнейшем — оценочности уже потому, что язык — сам объект идеологической борьбы. Идеологический фактор многими исследователями (в том числе и автором статьи) признается сущностным для определения ОПЛ как лексико-семантической категории, в связи с чем представляется недостаточным любое ее определение, не учитывающее роли социально-идеологической оценочности, базирующейся на аналогичной оценке.

Возникают следующие вопросы: любая ли оценка общественно-политического понятия или явления приводит в процессе употребления в речи к закреплению оценочности у обозначающих их слов и каковы источники, в которых создаются условия для трансформации оценки в оценочность? В потенции, как было отмечено, любая оценка общественно-политического понятия может способствовать его оценочности. Все зависит от субъекта оценки. Если субъект оценки — индивидуум, то и оценочность может не выйти за пределы индивидуального употребления, оставаясь окказиональной. То же самое происходит, когда субъектом оценки выступают небольшие социальные группы, идеология которых не находит продолжателей. Здесь действует тот же самый закон, что и в номинации, «синонимической аттракции» и других языковых явлениях: чем авторитетнее

с социально-идеологической точки зрения субъект оценки, чем он прогрессивней исторически, тем больше возможности у объектов его оценки приобрести языковую оценочность. В этой закономерности мы усматриваем одну из граней неразрывной связи языка и общества.

Если объектом социально-идеологической оценки становятся слова, не имевшие до этого никакой оценочности, то социальный фактор будет решающим в возможной способности приобретения ими оценочности, а вместе с тем и соответствующего лексического значения.

Важную роль в становлении оценочности играют жанры газетно-журнальной публицистики. «Значение газетно-публицистической специализации языка заключается прежде всего в выработке богатейшего арсенала оценочных средств» [16], среди которых слова с социально-идеологической оценочностью приобретают особую актуальность. Актуализация оценочных значений в словах общественно-политического содержания приводит к закреплению в русском литературном языке идеологически противопоставленных лексиконов.

Процесс оценочности активизируется в русском литературном языке с появлением в нем революционной публицистики. Впервые в русской литературе в известных произведениях А. Н. Радищева мы встречаемся с авторской идеологически-оценочной трактовкой таких понятий общественно-политического содержания, как *власть, государь, гражданин, народ, рабство, самодержавство* и др.: «Самодержавство есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние. *Государь есть первый гражданин народного общества*» [17].

Круг идеологически противопоставленной ОПЛ расширился в революционной декабристской литературе, в которой одним из актуальнейших стало понятие *революция* (это слово не встречается в произведениях А. Н. Радищева). В декабристском употреблении слово *революция* приобретает высокий смысл, а его значение терминологизируется. Так, декабрист Г. С. Батеньков в своих показаниях уточняет в терминологическом плане семантику слова *революция*: «Покушение 14 декабря не мятеж, как, к стыду моему, именовал я его несколько раз, но первый в России опыт революции политической» [18]. Понимание декабристами слова *революция* было диаметрально противоположным официально-самодержавному, о чем свидетельствует, к примеру, его трактовка А. С. Шишковым, одним из виднейших идеологов абсолютизма, для которого «само слово „революция“ было ненавистным: „Слава тебе, русский язык, что не имеешь ты равнозначного сему слова, — писал он. — Да не будет оно никогда тебе известно, и даже на чужом языке не иначе, как омерзительно и гнусно“» [19]. Такими же оценочными словами в революционной декабристской литературе были *конституция, свобода, деспотизм* и многие другие. Они также стали предметом публицистической трактовки.

Идеологически противопоставленные лексиконы окончательно складываются как семантико-идеологическая категория в 50—60-е годы XIX в. в литературно-публицистической деятельности революционеров-демократов. И в эти же десятилетия данное семантическое явление начинает отражаться в словарях. В зависимости от ориентации авторов словарей на идеологию тех или иных классов, их принадлежности к определенным социальным группам, дефиниции ОПЛ приобретают оценочность, свойственную идеологии этих классов и социальных групп. Иллюстрациями, подтверждающими высказанное положение, могут быть дефиниции и толкование таких идеологически оценочных слов, как *коммунизм, ниги-*

лизм, пролетариат, революция, революционер, реформы и др. в Словаре В. И. Даля и «Настольном словаре для справок по всем отраслям знания (Справочном энциклопедическом лексиконе)» Ф. Толля и В. Р. Зотова (Т. I—III. СПб., 1863—1864). В первом названные слова трактуются с официальной (консервативной) точки зрения, во втором — революционно-демократической.

Итак, в результате образования идеологически противопоставленных лексиконов, так же как и в публицистике, возникает социально-идеологическая дифференциация словарно-справочных изданий, прежде всего — словарей иностранных слов, политических справочников, энциклопедий. Менее заметна дифференциация в толковых словарях русского языка (см. [20]).

Как языковая категория социальная и идеологическая оценочность выражается при помощи лексических и лексико-грамматических средств. Если объектом оценки становятся слова, не мотивированные в системе русского языка, то лексические средства являются единственным показателем их оценочности. С нашей точки зрения, после того, как немотивированные в системе русского языка слова приобретают социально-идеологическую оценочность, они становятся семантически мотивированными, или семантически-оценочными. Неустойчивость семантической мотивированности, ее преходящий характер [21] нейтрализуется спецификой употребления этой части лексики в литературном языке, закрепляющей в ней оценочность на языковом уровне, в лексикографической дефиниции, являющейся чаще всего энциклопедическим толкованием (именно в трактовке такой ОПЛ наблюдаются «лексикографические излишества»). Рассмотрим отдельные слова этой группы на примерах их первых (по нашим материалам) и последних [Словарь современного русского литературного языка в 17-ти томах. М.—Л., 1950—1965 (БАС)] фиксаций.

Абсентеизм — обычай ирландской аристократии проживать вне родины [22, с. 3]. *Абсентеизм* — в буржуазных странах — уклонение от участия в выборах, неявка на собрания и т. п., являющиеся выражением протеста против политики террора и парламентской механики подкупа (БАС, 1, стлб. 17). *Буржуазия* — мещане, мещанство, горожане, среднее сословие, граждане, обыватели, торговый и ремесленный люд (Даль, I, с. 143). *Буржуазия* — в капиталистическом обществе — господствующий класс, владеющий средствами производства и живущий от эксплуатации наемного труда (БАС, 1, стлб. 696). *Бюрократия* — устройство управления, основанное на подчинении одного государственного лица другому высшему [23]. *Бюрократия* — система управления в классовом обществе, при которой государственная власть осуществляется через чиновников, оторванных от трудящихся масс, стоящих над массами и состоящих в большинстве из привилегированных лиц (БАС, 1, стлб. 734).

Семантически мотивированные в языковой системе слова, как и слова, обозначающие «высокие» общественные понятия, часто становятся объектом «узурпации» правящих классов. Так было в русском и других языках со словами *благонамеренность*, *благонамеренный*, *благонадежный*, *патриот*, *порядок* и т. п. в периоды революционных ситуаций и революций. Само употребление этих слов стало социально-оценочным, на что соответственно реагировали авторы словарей. В «Политической энциклопедии» 1906 г. так определялось значение слова *благонамеренность*: «В собственном смысле слова — стремление ко благу человечества, ко благу родины, находится в полном противоречии с официально-полицейским значением этого слова» [24].

Противопоставление смысла, оценочности этой группы слов выражалось и несемантическими средствами. В итоге семантически-оценочные слова приобретали дополнительную мотивированность: *патриот* — «потреот», *отечество* — «атечество», *революционный* — «ррреволюционный» (в данном случае фонетико-орфографическую).

Одновременно с процессом приобретения социально-идеологической оценочности в ОПЛ действует внешне противоположный процесс снятия оценочности. Его сущность та же, но протекает в обратном направлении. Слова, оценочность которых приходит в противоречие с понятийным содержанием, утрачивают оценочность в результате их употребления в новом социально-идеологическом контексте. Снятие старой (чаще всего негативной) оценочности сопровождается приобретением новой, эксплицитно или имплицитно выраженной. Снятие старой оценочности наблюдается, например, в словах *агитация*, *агитатор*, *идеолог*, *конспирация*, *конспиратор* и др. в словарях конца XIX — нач. XX в.

Агитация — волнение, беспокойство [22, с. 8]. *Агитатор* — возмутитель, бунтовщик [22, с. 8].

Агитация — устная и печатная деятельность, имеющая целью воздействовать на идеологию широких народных масс в определенном направлении (БАС, 1, стлб. 43). *Агитатор* — лицо, занимающееся агитацией (БАС, 1, стлб. 43).

Идеологи — прозвание партии, состоявшей из знаменитейших французских метафизиков первой Французской империи, отличавшихся противодействием реакции [22, с. 194]. В словаре Н. Яновского, на который БАС дает справку о первой фиксации, слово *идеолог* не имеет оценочности: «Идеолог — занимающийся наукой об идеях» [25].

Идеолог — идейный представитель и руководитель известной общественной группы или класса в какой-либо области духовной жизни [26].

Конспирация — заговор, бунт и измена против законной власти [27]. *Конспирация* — методы, применяемые нелегальной организацией для сохранения в тайне ее деятельности (БАС, 5, стлб. 1314). *Конспиратор* (в форме *конспирант*) — заговорщик, изменник [28]. *Конспиратор* — человек, искусный в конспирировании, умеющий обманывать подозрительность полиции и обходить ее преследования [29].

Приобретение новой и снятие старой социально-идеологической оценочности — две стороны одного семантического процесса в семантически мотивированных словах общественно-политического содержания.

В словах, мотивированных лексико-грамматическими средствами, социальная и идеологическая оценочность, как правило, выступает вместе с другими видами оценочности. Под лексико-грамматической понимается новая мотивированность, которая характеризует слово в результате присоединения к немотивированной основе аффиксов или объединения нескольких простых основ в сложные образования. В этом случае в слове возникает несколько видов мотивированности и соответственно — оценочности. Если семантически мотивированное слово приобрело социально-идеологическую оценочность, то и все образования от него сохраняют эту оценочность.

В публицистической речи одним из способов использования социально-идеологических оценочных средств является употребление таких сложных образований, в которых одна из основ, обладая оценочностью, придает ее всему образованию *агент-provокатор*, *агрессивно-буржуазный*, *анархист-коммунист*, *большевик-примиренец*, *интеллигент-отступник*. Если оценочностью обладают все элементы сложного образования, то соот-

ветственно удваивается или утраивается оценочностный потенциал: *империалистски-грабительский, империалист-эксплуататор, крепостнически-реакционный, либерально-монархический, ликвидаторски-трудовичевски-вехистский, патриотически-шовинистически-оппортунистически*¹.

Значительную часть общественно-политического словаря составляют устойчивые и свободные сочетания. «Всегда представляя собой социолингвистически обусловленную категорию» [30], словосочетания выступают как синтаксически мотивированные идеологически-оценочные номинативные единицы. Основную массу словосочетаний в ОПЛ составляют именные словосочетания, а среди последних — подавляющее большинство сочетаний определительного типа. Функция определения в этих сочетаниях не просто оценочная, а идеологически-оценочная. Наблюдения над словосочетаниями общественно-политического содержания, извлеченными из шеститомной Истории Коммунистической партии Советского Союза, свидетельствуют о чрезвычайно важной роли определения-оценки в выражении идеологической оценочности. Следует иметь в виду, что словосочетание в сравнении со словом является более открытой, менее поддающейся учету и регистрации номинативной единицей. Оно возникает не только «когда для нового понятия нет более или менее подходящего старого словесного знака, могущего через свое традиционное значение связать, а звуковой стороной обозначить новое понятие...» [31], но чаще всего когда посредством слова вообще нельзя обозначить новое понятие. В таком случае у языка нет выбора: слово или словосочетание? Словосочетание является единственным средством обозначения новых, семантически более емких понятий. В ОПЛ словосочетания типа *политический кризис, классовые противоречия, пролетарская демократия, буржуазная революция, демократическая интеллигенция, реакционный общественный строй, навязанный монархизм* и т. п.² — показатель высокой степени развития общественных отношений и соответственно — средств их языкового выражения.

Наблюдения над социально-идеологически-оценочной ОПЛ позволяют прийти к некоторым выводам. Оценочность как свойство, характеристика, отличительный признак ОПЛ формируется в процессе ее исторического развития. В русском литературном языке допетровской эпохи этот вид оценочности проявляется лишь как тенденция. В дальнейшем она наряду с другими факторами, способствующими совершенствованию языка, становится важным показателем его зрелости. Семантическая, лексико-грамматическая и синтаксическая мотивированность усиливают процесс оценочности, создают условия для постоянного пополнения социально- и идеологически-оценочного общественно-политического словаря.

ЛИТЕРАТУРА

1. Общее языкознание¹ (Формы существования, функции, история языка) / Отв. ред. Серебренников Б. А. М., 1970. С. 479—487.
2. Фасмер М. И. А. Бодуэн де Куртене // Живая старина. Вып. 2. СПб., 1906. С. 143.
3. Щерба Л. В. И. А. Бодуэн де Куртене и его значение в науке о языке // РЯШ. 1940. № 4. С. 87.
4. Десницкая А. В. О традициях социологизма в русском языкознании // Теория языка, методы его исследования и преподавания (К 100-летию со дня рождения Л. В. Щербы). Л., 1981. С. 86.
5. Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. К основам общей теории. М., 1977.

¹ Все предыдущие и эти сложные образования взяты нами из Картотеки «Словаря языка В. И. Ленина» Ин-та русского языка АН СССР.

² Все примеры взяты из [32].

6. Кочин Г. Е. Материалы для Терминологического словаря древней Руси. М. — Л., 1937. С. 449—455.
7. Солганик Г. Я. Системный анализ газетной лексики и источники ее формирования: Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1976.
8. Кацнельсон С. Д. Содержание слова, значение и обозначение. М. — Л., 1965. С. 15.
9. Гельгардт Р. Р. Избранные статьи (Языкознание. Фольклористика). Калинин, 1966.
10. Киселева Л. А. О некоторых типах лексического значения слова // Уч. зап. ЛГПИ. 1969. Т. 324. С. 265—271.
11. Брагина А. А. Значение и оттенки значения в термине // Терминология и культура речи. М., 1981. С. 39.
12. Веселитский В. В. Развитие отвлеченной лексики в русском литературном языке первой трети XIX века. М., 1964. С. 125—126.
13. Павленко Р. И. Проблема смысла. Современный логико-философский анализ языка. М., 1983. С. 30.
14. Лисицына Н. А. Лексико-семантическая группа социально-оценочных прилагательных в современном русском языке: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 1985. С. 5—6.
15. Языковая номинация (Общие вопросы). М., 1977. С. 51.
16. Солганик Г. Я. Роль журналистики в развитии и обогащении литературного языка // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984. С. 61.
17. Радищев А. Н. Размышления о причинах благоденствия и несчастья греков. Сочинения Г. Аббата де Мабли. Пер. с франц. Кн. 3 // Радищев А. Н. Полн. собр. соч.: В 3-х т. Т. 2. М. — Л., 1941. С. 282 (примеч.).
18. Избранные социально-политические и философские произведения декабристов: В 3-х т. Т. I. М., 1951. С. 185.
19. Мейлах Б. «Только революционная голова... Незученный замысел Пушкина // ЛГ. 1979. 14 февр.
20. Голованевский А. Л. Общественно-политическая лексика в словарях 1900—1917 гг. (К проблеме идеолого-семантической типологии словарей дореволюционного периода) // ФН. 1986. № 3.
21. Журавлев А. И. Типы значений слова и их мотивированность // Проблемы мотивированности языкового знака. Вып. 3. Калининград, 1976. С. 25.
22. Полный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1861.
23. Кириллов Н. Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. Вып. 1—2. СПб., 1845—1846. С. 17.
24. Политическая энциклопедия. Под ред. Слонимского Л. З. СПб., 1906. С. 291.
25. Яновский Н. Новый словотолкователь, расположенный по алфавиту: В 3-х частях. Ч. 1. СПб., 1803. С. 804.
26. Попов М. Современный общественно-политический и экономический словарь. М., 1907. С. 26.
27. Бурдон И. Ф. Словотолкователь 30 000 иностранных слов, вошедших в состав русского языка. М., 1866. С. 343.
28. Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка/Под ред. Чудинова А. Н. СПб., 1902. С. 315.
29. Майданов Д. Т., Рыбаков И. И. Новый карманный словарь иностранных слов, вошедших в употребление в русском языке. Одесса, 1907. С. 455.
30. Тер-Минасова С. Г. Словосочетание в научно-лингвистическом и дидактическом аспектах. М., 1981. С. 33.
31. Мильшин И. К. В. И. Ленин о процессе наименования // Вопросы русского языка и стиля. Пятигорск, 1975. С. 8.
32. История Коммунистической партии Советского Союза: В 6-ти т. Т. 1—3. М., 1964—1967.